

М. Муртазин

ТАДЖИКИСТАН: ПОБЕДА НАД ИСЛАМИЗМОМ?

DOI:10.20542/2073-4786-2018-2-109-129

Введение

В современном политологическом и исламоведческом дискурсе широкое распространение получили новые определения, в которых все чаще используется слово **ислам** и производные от него имена существительные и прилагательные. Не говоря о публицистике, многие научные статьи и монографии пестрят терминами «исламский фундаментализм», «радикальный ислам», «исламский экстремизм», «исламский терроризм», «исланизм», «исламизация», «исламофобия» и т.п. Поскольку в данной статье рассматриваются общественно-политические явления, связанные с функционированием ислама в одной из центральноазиатских республик, автор считает необходимым определить свою позицию в трактовке некоторых из этих терминов.

В каком бы аспекте исследователь ни рассматривал политическую ситуацию в Таджикистане в течение последних 25 лет, перед ним неизбежно возникает необходимость говорить об **исламе**. Ислам является одной из мировых религий, которая имеет особый комплекс догматического учения и обрядность, основанный на двух его главных религиозных источниках – Коране и Сунне. Ислам является целостной религиозной системой, которая существует на протяжении почти 14 веков в виде двух своих главных ветвей – суннизма и шиизма, сформировавшихся еще в первые десятилетия существования ислама.

Однако, несмотря на наличие этих ветвей и других разнообразных богословских и идеологических течений, ислам предстает как одна целостная религия, которая по своей религиозной сути не имеет региональных, национальных или социальных различий. Ислам как религия представляет собой единую глобальную систему, и, по нашему мнению, в научном дискурсе нельзя говорить о нем с добавлением таких прилагательных, как турецкий, иранский, татарский, среднеазиатский, европейский и т.п. Точно так же нельзя разделять ислам на традиционный или нетрадиционный, поскольку его основные вероучительные догмы и обрядовые установления не раз-

личаются в зависимости от социального или институционального статуса людей, исповедующих эту религию.

В то же время ислам за 1400 лет своего существования распространился среди многих народов, обитающих в разнообразных географических, этноконфессиональных и социально-политических условиях. В зависимости от этого в обществах, относящих себя к мусульманам, стали проявляться особенности повседневного бытового и религиозного поведения. Мусульмане, живущие на Аравийском полуострове, у колыбели ислама и в том гео-климатическом, языковом и этническом окружении, которое не сильно изменилось со времен Пророка ислама Мухаммада, соблюдают религиозные предписания ислама в одном ключе, тюркские племена, сформировавшие Османскую империю и пришедшие к исламу в IX–X вв., закрепили собственные традиции исповедания ислама, а кочевые племена центральноазиатских пустынь и горские народы Северного Кавказа, приняв ислам достаточно поздно, восприняли религиозные предписания, сохранив свои более древние бытовые поведенческие нормы. Однако при этом можно говорить лишь о различных формах бытования ислама и его исповедания, а вовсе не о существовании самостоятельных региональных, национальных или социальных религиозных разновидностей ислама.

Доказательством может служить то, что для всех мусульман без исключения является обязательным признание веры в Аллаха и его Посланника Мухаммада, во всех мечетях мира мусульмане совершают молитву единообразно, во всех концах земного шара в течение месяца рамадан мусульмане держат религиозный пост, а в месяц зуль-хиджжа отправляются в Мекку, чтобы совершить хадж. Исходя из вышесказанного, мы полагаем некорректным использовать слово ислам с прилагательными, обозначающими его географические, этнические, социальные и иные атрибуты.

При исследовании политического аспекта существования и развития мусульманского сообщества-*уммы* за последние несколько столетий необходимо признать релевантным употребление такого инновационного термина, как **исламизм**. Он получил достаточно широкое распространение после исламской революции 1979 г. в Иране, а также в процессе формирования джихадистского движения в ответ на вторжение советских войск в Афганистан. **Исламизм** мы понимаем прежде всего как политический феномен, целью которого является обустройство жизни мусульманского сообщества на социальных и правовых нормах, содержащихся в отдельных, но отнюдь не фундаментальных положениях Корана и Сунны. Исламизм является политической надстройкой по отношению к религиозной системе ислама.

Под воздействием многообразных общественно-политических факторов в некоторых регионах мусульманского мира возникали социальные

движения и идеологии, нацеленные на переустройство общества и власти в жестком соответствии с теми установлениями Корана и Сунны, в которых частично затрагивались некоторые аспекты обустройства жизни мусульманского сообщества-*уммы*. Исламизм стремится прикрыть свою чисто политическую сущность религиозным учением ислама, но при этом не имеет широкого распространения среди масс верующих, не оказывает глубинного влияния на их религиозное и социальное сознание в условиях стабильного существования мусульманских сообществ. Оставаясь достаточно узко ориентированным идеологическим течением, он увлекает за собой небольшой по численности и узкий в социальном плане пласт маргинализированной части мусульман, да и то лишь в условиях социально-политических потрясений и экономических кризисов.

В то же время, исламизм имеет глубокие исторические корни и начал оформляться параллельно с религиозным учением ислама. Исламизм существует и в рамках суннитской, и в рамках шиитской ветвей ислама. По своей сущности он предстает как конгломерат разнообразных политических учений, идеологий и социальных движений в различных региональных и исторических проявлениях. Исходя из этого, в настоящей работе исламизм рассматривается исключительно в политологическом дискурсе без привязки к религиозному или богословскому аспектам бытования ислама.

Предыстория

Исламизм проник в Таджикистан несколько раньше, чем во все остальные советские мусульманские республики – Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан. Это было связано с тем, что в большинстве труднодоступных и горных районов, в отличие от таких крупных городов, как Душанбе, Ленинабад (совр. Худжанд), Курган-Тюбе, Куляб, ислам оставался важным духовным устоем жизни населения. Высокая степень религиозности населения в условиях постоянного притеснения религиозных свобод и господства атеистической государственной политики порождала недовольство существующими общественными и материальными сторонами жизни со стороны наиболее бедных слоев населения Таджикистана, проживавших в сельской и горной местности.

Немаловажную роль в сохранении религиозных традиций сыграло слабое распространение русского языка среди сельских жителей отдаленных районов, что давало им иммунитет от воздействия коммунистической и атеистической пропаганды, которая распространялась преимущественно через русскоязычную прессу, радио и телевидение. Таким образом, Таджикистан

во все годы существования СССР оставался рудиментом религиозности, потенциал которой был использован в политических целях после 1991 г.

Исламизм как политизированная трактовка отдельных положений Корана и Сунны, начал проникать в Таджикистан еще до того, как обострилась ситуация в советских республиках на фоне политических, экономических, социальных и межнациональных проблем конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. В Таджикистане даже в годы наиболее активной борьбы с религией велась подпольная религиозная проповедь и сохранялось неформальное религиозное образование в форме *худжры* – закрытого кружка верующих, объединявшихся вокруг своего духовного учителя-*дамуллы* (тадж. *домло*).

Официальные общины и мечети находились под строгим государственным контролем, который обеспечивало не столько Духовное Управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с резиденцией в Ташкенте, сколько уполномоченные по делам религии на местах, работавшие в самом тесном контакте с правоохранительными органами. Имамы в официально действующих мечетях параллельно с религиозной проповедью публично поддерживали действия центральных и республиканских властей, выступали в поддержку реализуемых государством целей и задач, но не вмешивались в вопросы внутренней и международной политики.

Параллельно с этим в Таджикистане, в Узбекистане, на Северном Кавказе, в Поволжье сохранялась практика неофициальной проповеди и подпольное образование, которое осуществляли верующие энтузиасты. Они были убеждены, что ислам рано или поздно займет свое место в качестве духовной основы жизни мусульманского сообщества. В таких подпольных *худжрах* проповеди и лекции затрагивали даже такие «запретные» темы, как осуждение безбожного-кафирского характера Советской власти, преследований мусульманских священнослужителей, закрытия и разрушения мечетей и многое другое. Эта подпольная деятельность закладывала в сердца и души многих молодых мусульман не только чувство религиозной веры, но и желание изменить окружающую действительность, что и породило, в конечном итоге, волну исламизма на пороге 80-х – 90-х гг. XX столетия.

Одним из наиболее известных неофициальных мусульманских проповедников-дамулл в Таджикистане был Мавлави Хиндустони (1892–1989), ученики которого стали активными проповедниками ислама не только в Таджикистане, но и в соседних центральноазиатских республиках. Многие из них, к сожалению для учителя, в своей религиозной деятельности позднее заняли позиции исламизма. В их числе оказались Саид Абдулло Нури, Мухамматшариф Химматзода и некоторые другие молодые мусульмане, участвовавшие в создании Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ).

Сам Хиндустони выступал против политических и вооруженных форм борьбы и использования религии в политических целях, отвергал так называемый «ваххабизм», присущий некоторым его подпольным среднеазиатским оппонентам, таким, как Рахматулло-кари и Абдували-кори из Ферганской долины.¹ Тем не менее его личная религиозная и проповедническая деятельность, не являясь по своей сути исламистской, способствовала распространению исламизма в Таджикистане.

Таким образом, достаточно широкое распространение религиозности, недовольство масс верующих своим социальным и экономическим положением, действия подпольных проповедников и первых исламистов в 70-е и 80-е гг. XX в. стали предтечей того, что в Таджикистане назрела волна политических протестов, проистекающих из религиозной среды. Следует согласиться с выводом российского исламоведа А.Малашенко о том, что «подъем исламизма совпал с началом горбачевской “перестройки” в СССР, и она ...дала новый импульс для последующего витка активности политического ислама, одним из очагов которого становится Средняя (в нынешней терминологии – Центральная) Азия».² Однако внутренние факторы были отнюдь не единственными в процессе активизации исламизма в Центральной Азии в целом, и в Таджикистане, в частности.

Внешние векторы развития исламизма в Таджикистане

Не менее значимым фактором, который способствовал не только росту религиозности, но и началу проникновения идей исламизма в таджикское общество, стало вторжение советских войск в Афганистан в 1979 г. За этим последовало зарождение международного движения моджахедов,³ которые на практике реализовали идеи воинствующего исламизма в форме джихадизма. Фактически, в Афганистане уже в 70-е годы прошлого века сформировались условия для объединения афганских, таджикских, узбекских и туркменских племенных группировок, живших на границах с СССР, в военно-идеологический «джихадистский интернационал». Именно они были более остальных недовольны своим положением в Афганистане и хо-

¹ Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада / Многомерные границы Центральной Азии. Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000. С. 58–59.

² Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России / Моск. Центр Карнеги. – М., 1998. – С.64.

³ Это слово в арабской транскрипции выглядит как *муджахид*, но в русский язык оно вошло в афганском варианте как «моджахед».

тели воспользоваться политической нестабильностью и экономическим кризисом в стране, чтобы развернуть джихад против внутренних и внешних безбожников-кафиров.

Нарастание афганского исламизма шло постепенно, начиная со свержения короля Захир Шаха в 1973 г. и прихода к власти прокоммунистических светских партий в 1978 г. Но реальным катализатором их вступления в вооруженную борьбу против коммунистов-*шурави* стало вторжение советских войск 27 декабря 1979 г. Сразу после этого разрозненные исламистские группировки, которые и прежде этого выступали против развития Афганистана по светскому пути, объединили свои усилия в борьбе с просоветским режимом Б.Кармаля и поддерживавшим его контингентом советских войск, общая численность которого достигала в отдельные годы 100 000 человек.

В 1986 г. сформировался «Исламский союз моджахедов Афганистана», а в середине 90-х гг. усилились еще более радикальные движения «Талибан» и «Аль-Каида» (запрещены в РФ), которые заняли большую часть Афганистана и объявили о создании «Исламского Эмирата Афганистана». Новый антисоветский «интернационал» хорошо вписался в парадигму военного и идеологического противостояния между Вашингтоном и Москвой, и со всей очевидностью был поддержан американскими спецслужбами.⁴

Подобное развитие событий в соседнем Афганистане стало серьезным фактором пробуждения исламизма в Таджикистане и других советских мусульманских республиках. Какие бы усилия ни прилагала в 80-е годы XX в. коммунистическая пропагандистская машина, среди религиозной части таджиков, узбеков, татар и мусульманских народов Кавказа исподволь формировались настроения мусульманской солидарности. Таким образом, вторжение советских войск в Афганистан бумерангом повлияло на дестабилизацию социально-политической ситуации и обострение межнациональных проблем в самом Советском Союзе.

Что касается активизации исламизма непосредственно в Таджикистане, то наряду с объективными причинами этому способствовали и субъективные факторы, связанные с деятельностью таких харизматических личностей, как Саид Абдулло Нури и Акбар Тураджонзода. Сравнительный анализ религиозно-политических портретов этих двух наиболее известных деятелей показывает их роль в развитии исламизма в Таджикистане.

⁴ См. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. С. 369–450.

Исламизм в Таджикистане в религиозно-политических портретах

Первым идейным вдохновителем исламизма в Таджикистане можно считать Саида Абдулло Нури, который родился 15 марта 1947 г. в небольшом селении Оштиён на территории современного Тавильдаринского района Таджикистана. Его отец работал в советских учреждениях, но своих детей он обучил религии. Наличие начального религиозного образования позволило Саиду с конца 60-х гг. XX в. обучаться в Душанбе у Мавлави Хиндустони. Мавлави был ярким приверженцем ислама, за что провел почти 8 лет в ссылке и лагерях несмотря на то, что был участником Великой Отечественной войны. Однако его глубокие и искренние религиозные убеждения не помешали ему выступить против использования религии в политических целях и вести идейную борьбу с исламистами, в числе которых оказались многие его ученики.

Саид Абдулло Нури, как и его учитель, начал свою деятельность с неофициальной проповеди ислама, однако его религиозные искания изначально тесно переплетались с политическими амбициями, за что он был впервые арестован в 1973 году. Это не помешало ему уже в следующем году возглавить нелегальную молодежную организацию «Нахзати исломии джаванони Таджикистон» – «Исламское возрождение молодежи Таджикистана», которая вскоре получила более формальное наименование «Движение исламского возрождения Таджикистана» (ДИВТ).⁵ Это движение в 70-80-е гг. преследовало две основные цели: пропаганда идей «чистого ислама» и воспитание таджикских мусульман в религиозном духе в противовес официальной атеистической коммунистической идеологии.

Таким образом, Саид Абдулло Нури с самого начала своей публичной деятельности встал на путь политической активности, а не религиозного служения. В 1983 году он подвергся допросам в КГБ Таджикистана и получил серьезное предупреждение относительно своей религиозно-политической деятельности, а в 1987 году вместе со своими сорока соратниками по партии был арестован и отправлен в один из сибирских лагерей для отбывания полуторалетнего срока заключения за антисоветскую пропаганду. Данных о точном количестве членов этого движения в те годы нет, но сообщается, что после ареста Нури почти три тысячи сторонников движения собрались во время судебного процесса 1987 г. перед зданием Курган-

⁵ Саид Абдулло Нури — Биография / <http://pomnipro.ru/memorypage48979/biography> (дата обращения 20.04.2018).

Тюбинского облисполкома.⁶ Это стало наглядным свидетельством многочисленности сторонников ДИВТ еще в советское время.

В 1988 г. Саид Абдулло Нури вернулся в Душанбе и стал главным редактором газеты «Минбари ислом» – «Трибуна ислама» при Казияте (духовном управлении) Таджикистана, в которой он продолжал проповедовать не только религиозные догмы, но часто обращался к общественно-политическим проблемам Таджикистана. С самого начала гражданского противостояния в Душанбе и в других районах Таджикистана он выступил на стороне оппозиции, апеллируя к религиозным чувствам протестующих. После гибели в 1992 г. в ходе гражданской войны его брата Хабибулло, Нури, осознав опасность дальнейшего пребывания в стране, эмигрировал в афганский город Талукан, где возглавил исламистское крыло Объединенной таджикской оппозиции (ОТО).

С 1993 г. он был лидером ПИВТ в эмиграции и оставался на посту ее председателя после возобновления ее деятельности с 1999 г. вплоть до своей смерти в 2006 г. Благодаря своему политическому авторитету он получил право подписать Всеобщее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане между Эмомали Рахмоном и ОТО. Вернувшись в Душанбе в сентябре 1997 г., С.А.Нури возглавил Комиссию по примирению и сделал очень многое для того, чтобы мирное межтаджикское соглашение было реализовано.

По мнению советника по политическим вопросам Бюро ООН по миростроительству в Таджикистане В.Рокошевски, «как председатель ОТО он согласился на переговоры, он повлиял на своих сторонников и довел дело до подписания Московского договора. А в последние годы мы все знаем, как вел себя г-н Нури в качестве лидера исламской партии, всегда признавая мир в Таджикистане самым главным приоритетом. И за это он навсегда вошел в историю таджикского народа».⁷ Это доказывает, что Нури был прежде всего политиком и оставался лидером исламистов Таджикистана вплоть до своей смерти в 2006 г., которая резко изменила положение и влияние ПИВТ в таджикском обществе.

Другим не менее значимым и харизматичным исламистским лидером Таджикистана был Акбар Тураджонзода (род. 1954 г.). Его жизненный путь отличался от судьбы его соратника и учителя С.А.Нури. Он происходил из

⁶ Умед Бабаханов. Ушел из жизни Саид Абдулло Нури / <http://www.islamnews.ru/news-6105.html> (дата обращения 20.04.2018).

⁷ Саид Абдулло Нури / <http://www.dw.com/ru/%D1%81%D0%B0%D0%B8%D0%B4-%D0%B0%D0%B1%D0%B4%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%BE-%D0%BD%D1%83%D1%80%D0%B8/a-2128786> (дата обращения 30.04.18).

рода духовных суфийских лидеров-*ишанов*, поэтому с молодых лет его устремления были нацелены на получение религиозного образования в медресе Мир-Араб в Бухаре (1972–1976), Ташкентском исламском институте (1976–1980) и на шариатском факультете Амманского университета в Иордании.

Проработав несколько лет в международном отделе САДУМ, он возглавил в 1988 г. республиканское подразделение САДУМ-Казият Таджикистана в сане верховного религиозного судьи-*кази-калона*. Именно на этом этапе стали формироваться его новые политизированные взгляды на религиозную деятельность, начался процесс трансформации религиозного деятеля в исламиста. В частности, этому способствовало то, что в состав нового Совета улемов Казията в качестве главного редактора его печатного органа «Минбари ислом» вошел уже известный тогда исламистскими взглядами С.А.Нури. Позднее сам Турадзонзода называл Нури своим наставником-*устодом*.

Его интерес к политике еще больше укрепился после того, как в 1989 г. САДУМ возглавил шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, с которым его связывали тесные связи еще в годы совместной учебы в медресе Мир-Араб.⁸ Возглавив самое крупное в стране духовное управление, шейх Мухаммад Юсуф в 1990 г. вскоре стал депутатом Верховного Совета СССР и оказался в гуще острых политических дебатов, которые бушевали в Москве и свидетельствовали о том, что в обществе грядут серьезные перемены. Политическая активность Мухаммад Юсуфа стала для А.Турадзонзода примером того, как можно соединить религиозную и политическую деятельность, оставаясь в духовном сане.

Однако бурные события в Таджикистане начала 90-х гг. полностью изменили положение и статус А.Турадзонзода. В начале 1992 г., когда страна оказалась разделенной на два непримиримых лагеря, *кази-калон* остался единственным представителем легитимного, но негосударственного органа, к которому еще прислушивались противоборствующие стороны. Но вместо того, чтобы занять позицию духовного главы Таджикистана и примирителя политических антагонистов, он выступил на стороне демоисламистской оппозиции.

В результате, уже в начале 1993 г. он был вынужден эмигрировать из Таджикистана в Афганистан, где вместе С.А.Нури возглавил ОТО и активно

⁸ Ходжи Акбар Турадзонзода: «Я горюю о смерти друга» / <http://www.dialog.tj/news/khodzhi-akbar-turadzhonzoda-ya-goryuyu-o-smerti-druga> (дата обращения 30.04.18).

участвовал в подготовке мирного соглашения. После возвращения в Таджикистан с 1998 по 2007 г. он занимал пост вице-премьера, а затем стал депутатом Милли Маджлиса Таджикистана. В настоящее время он совместно с группой своих родственников занимается независимой духовно-просветительской деятельностью внутри страны.

В интервью Русской службе BBC еще в 2014 г. он заявил: «Власть думает, что мы имеем какие-то политические амбиции. Я еще раз заявляю, что ни я, ни мои братья не собираемся бороться за власть, не хотим никаких государственных постов», но при этом оговорился, что «по ряду вопросов, касающихся религиозной тематики и прав человека, наши взгляды не совпадают с позицией Душанбе».⁹ Однако, по мнению некоторых независимых журналистов, он был и остается политиком, занимается политикой, которая ставит своей главной целью власть.¹⁰

Сравнительный религиозно-политический портрет С.А.Нури и Х.А.Тураджонзоде показывает, что оба они, несмотря на свои глубокие религиозные убеждения, поставили во главу угла своей деятельности политику и исламизм, отодвинув религиозное служение на второе место. Их пример демонстрирует, что любой религиозный деятель, который начинает заниматься политикой, неизбежно впадает во внутреннее противоречие, следствием которого становится отступление от высокого духовного служения ради реализации общественно-политических задач. Это может служить еще одним подтверждением того, что исламизм представляет собой прежде всего политическое движение, а не религиозное течение.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) как пример институализации идей исламизма

Как было отмечено выше, идеи исламизма оформились в Таджикистане еще в советское время и получили достаточно широкое распространение на фоне вторжения советских войск в Афганистан в 1979 г. Религиозное возрождение не столько затронуло духовную и обрядовую сторону жизни мусульман Таджикистана, сколько привело к росту политической активности верующих слоев населения. Когда противостояние между прокоммунистическими номенклатурными силами и оппозиционными демоисламист-

⁹ Таджикиский богослов: Россия правильно поступила с Крымом / https://www.bbc.com/russian/international/2014/05/140510_dushanbe_support_russia_ukraine

¹⁰ С. Мирзорахматов. Кто Вы? Открытое письмо Ходжи Акбару Тураджонзоде / http://www.toptj.com/News/2012/07/10/kto_vy_otkrytoe_pis_mo_khodzhi_akbaru_turadzhonzoda (дата обращения 01.05.2018).

скими движениями выплеснулось на улицы и площади Душанбе и других городов, значительная часть молодых радикально настроенных мусульман, недовольных прежним экономическим и социальным положением в стране, естественным образом встала на сторону оппозиции, которая во всех проблемах винила безбожную-кафирскую власть коммунистов.

Окрепший к этому времени исламизм получил в Таджикистане широкое социальное пространство для своей идеологической пропаганды, благодаря чему встретил поддержку в среде беднейших слоев таджикского населения. Исламизм стал единым связующим вектором более религиозных таджикских кланов-авлодов Горного Бадахшана и Припамирья, которые вступили в борьбу за власть в качестве оппозиции Ленинабадским и Кулябским кланам, исторически возглавлявшим партийные и государственные органы в Душанбе в течение последних советских десятилетий.

В конечном итоге, суть политического конфликта и гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. выкристаллизовалась в противостояние сил демоисламистского религиозного и номенклатурного коммунистического блока. Иными словами, сторонники исламистского государства выступили против защитников светского государства, и перед Таджикистаном встал вопрос о том, какая идеология одержит верх в этом кровавом противостоянии.

Как отмечалось выше, подпольное исламистское движение получило распространение в Таджикистане с 70-х гг. XX в. благодаря деятельности С.А.Нури и его сподвижников. По мнению российских исследователей В.Бушкова и Д.Микульского, убеждения первых таджикских исламистов были близки политизированным взглядам отдельных фундаменталистов-*салафитов* и таких идеологов движения «Братья-мусульмане» (запрещено в РФ), как С.Кутб, Х. аль-Банна и др.¹¹ Публичные заявления о необходимости создания и официальной регистрации ПИВТ прозвучали после того, как в Астрахани прошел учредительный съезд Исламской партии возрождения (ИПВ), на котором были представлены в основном мусульмане из числа татар, таджиков и дагестанцев и некоторых других мусульманских народов СССР. Хотя юридически эта партия была зарегистрирована в Дагестане в 1990 г., она уже изначально оказалась раздробленной и сошла с политиче-

¹¹ Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992–1995) / Исламские политические движения и структуры. Мусульманская печать, пропаганда. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт практического востоковедения, 1996. Эл. версия http://www.cac.org/datarus/st_08_bush_11.shtml (дата обращения 01.05.2018).

ской арены в 1994 г., когда истек юридически зарегистрированный срок деятельности ее оргкомитета.¹²

Несмотря на активное участие таджикских исламистов в создании и деятельности общесоюзной ИПВ, своей главной задачей они видели создание собственной республиканской политической партии. В течение 1990–91 гг. инициативная группа, главными активистами которой стали Мухаммад-шариф Химмотзода и Давлат Усмон, пыталась провести учредительную конференцию таджикского отделения ИПВ, но Президиум Верховного Совета Таджикской ССР под давлением ЦК Компартии Таджикистана запретил создание любых партий религиозного характера на территории республики.

Несмотря на этот запрет, конференция была проведена 6 октября 1990 г. в кишлаке Чортут Ленинского района, и таджикское отделение ИПВ, даже оставаясь на полулегальном положении, объединило исламистские силы Таджикистана. Реальная победа была достигнута исламистами 26 октября 1991 г., когда в Душанбе был проведен Первый съезд ПИВТ: ее председателем был избран М.Химматзода, первым заместителем – Д.Усмон. Партия была зарегистрирована Минюстом Таджикистана.¹³

Таким образом, начался почти пятнадцатилетний период деятельности практически единственной на постсоветском пространстве официальной исламистской политической структуры.

Весь срок существования ПИВТ можно разделить на три этапа:

1. Этап активной военно-политической деятельности в период безвластия в столице Таджикистана Душанбе и других районах республики в 1991–1992 гг.

2. Деятельность в эмиграции в 1993–1997 гг.

3. Деятельность в качестве парламентской партии в 1997–2015 гг.

Первый этап существования ПИВТ оказался наиболее противоречивым, но самым активным. Прежде всего, необходимо отметить особенности статуса и названия ПИВТ на первом этапе: она была задумана ее основателями в 1990 г. как зональное отделение сформированной еще в СССР Исламской партии возрождения, поэтому ее первоначальное название было оформлено по-русски и звучало как Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ). Однако после запрета этой партии в Таджикистане в 1993 г. и переноса ее деятельности в эмиграцию на территорию Афганистана она получила свое новое название на таджикском языке «Хизби нахзати исло-

¹² Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998. С.133–135.

¹³ Бушков В.И., Микульский Д.В. Указ. соч.

мии Таджикистон», которое более точно переводится на русский как Партия исламского возрождения Таджикистана. При этом, как отметили отечественные исследователи В.Бушков и Д.Микульский, «формы организационной структуры были подсознательно заимствованы основателями ИПВТ у КПСС, несмотря на то что в идеологическом плане ИПВТ противостоит коммунизму».¹⁴

Что касается целей и задач ИПВТ, изложенных в уставе образца 1991 г., то они представляли собой причудливое сочетание исламистской риторики и модернизированных парламентских лозунгов. С одной стороны, партия позиционировала себя как общественно-политическая организация мусульман Республики Таджикистан, задачи которой заключались в следующем:

- соблюдение принципов Ислама – веру в Единого Бога и его посланника пророка Мухаммада;
- политическое и юридическое пробуждение граждан республики с целью реализации основ ислама в жизни мусульман республики;
- распространение и пропаганда ислама среди народов республики доступными средствами;
- привлечение мусульман к экономической, политической и духовной жизни республики;
- соблюдение и осуществление требований Ислама в повседневной жизни членами партии.

Но одновременно партия декларировала себя как парламентская и выступающая за духовное возрождение граждан, за экономическую и политическую независимость республики, свободное и независимое общество, в котором каждый, вне зависимости от религиозной или национальной принадлежности, сможет свободно жить и трудиться.¹⁵

Фактическая деятельность ИПВТ на волне политического и экономического хаоса в Таджикистане 1991–92 гг. свелась к тому, чтобы выступить в демоисламистском блоке с Демократической партией Таджикистана, движениями Растохез и Лали Бадахшан против неокommунистического и светски ориентированного номенклатурного движения во главе с бывшим первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана Рахмоном Набиевым. Главным лозунгом и движущей силой ИПВТ стала борьба против коммунизма и светской системы правления. Ее поддержали лидеры различных родовых

¹⁴ Там же.

¹⁵ Андреев А.А. Взлет и падение Партии исламского возрождения в Таджикистане / Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2., 2017. С.101–102.

объединений-*авлодов* и местных общин-*махаллей* в наиболее отсталых и горных районах Припамирья и Горного Бадахшана, которые надеялись взять в свои руки власть и воспользоваться материальными преимуществами путем военно-политического переворота.

Несмотря на победы, которые демоисламисты одержали во второй половине 1992 г., военных, финансовых и человеческих ресурсов у них оказалось недостаточно для того, чтобы окончательно победить противника и легитимировать свою власть в столице и других областях республики. События этого периода в Таджикистане еще раз свидетельствуют о том, что исламистские движения чаще всего активизируются и выходят на первый план в условиях общественно-политических потрясений и экономических кризисов в регионах с преимущественно мусульманским населением, которое становится социальной опорой исламизма.¹⁶ В идеологическом плане исламизм делает акцент на борьбу со светскими властями, которые представляются им в качестве антипода ислама, защищающего безбожные-*кафирские* принципы.

Второй этап деятельности ПИВТ начался в 1993 г. после того, как вооруженные отряды Народного фронта захватили Душанбе и вытеснили оттуда силы демоисламистского блока. Лидеры исламистской оппозиции, включая С.А.Нури и А.Тураджонзоду, были вынуждены покинуть страну, опасаясь за свою жизнь. Вслед за ними лидеры *авлодных* и *махаллинских* группировок, вместе со своими последователями, также оказались в положении беженцев, расселившихся в соседних странах, включая Узбекистан, Киргизию и Афганистан. Численность беженцев из республики достигла 250 тысяч,¹⁷ и многие из них устремились в приграничные с Таджикистаном области Афганистана, где в городе Талукан обосновалась штаб-квартира Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) во главе с С.А.Нури, который также возглавил ПИВТ в качестве председателя вместо М.Химмотзоды.

В связи с тем, что другие оппозиционные политические силы, включая ДПТ, Лали Бадахшон и движение Растохез к этому времени распались или ослабли, все годы именно ПИВТ оставалась главным стержнем ОТО. Вокруг С.А.Нури объединились практически все оппозиционные силы Та-

¹⁶ Это доказали также и события, произошедшие позднее в Ираке после вторжения вооруженных сил США и их союзников и свержения С.Хусейна, события «арабской весны», которые выплеснули на геополитическую карту Ближнего Востока исламистские и джихадистские силы в Сирии, Египте, Ливии, Йемене и других арабских странах.

¹⁷ Олимов М., Олимова С. Исламская партия возрождения в межаджикском конфликте и его урегулировании / https://ca-c.org/journal/2001/journal_rus/cac-01/12.olimr.shtml (дата обращения 10.05.18).

Таджикистана, включая А.Тураджонзода, который в 1993 г. был лишен духовного сана кази-калона решением Духовного управления мусульман Таджикистана. Однако авторитет этих двух лидеров среди верующей части населения Таджикистана был настолько высок, что они, даже находясь в эмиграции, продолжали возглавлять политическую и вооруженную деятельность оппозиции в различных районах Таджикистана, главным оплотом которой оставались Тавильдара, Гарм и Бадахшан.

Наряду с изменением статуса ПИВТ, которая с 1993 по 1999 гг. была запрещена в Таджикистане, произошли и изменения в идеологемах, выдвигаемых ее руководителями. Причина этого заключалась в том, что оппозиционные группировки, продолжавшие действовать на территории Таджикистана, нуждались в новых политических установках и более актуальных лозунгах, которые дали бы идеологическое обоснование их вооруженной борьбе против отказавшегося от идеологии коммунизма, но светского государства. Именно поэтому в идеологическом отношении основной целью и главной задачей ПИВТ в 1993–1994 гг. стало провозглашение исламского государства.

После поражения демоисламистского блока в 1993 г. внутри страны стало совершенно очевидным, что оппозиционно-парламентский путь для ПИВТ на этом этапе невозможен. Центральная власть в Таджикистане во главе с новым президентом Эмомали Рахмоном заняла жесткую антагонистическую позицию в отношении исламистской оппозиции и ее вооруженных группировок. Поскольку приход к власти исламистов в рамках существующего светского государства мирным путем становился невозможным, то в качестве ответной реакции произошла радикализация вооруженной борьбы исламистской оппозиции под лозунгами джихада с целью создания исламского государства. Страна оказалась в условиях гражданской войны между сторонниками светского пути развития, с одной стороны, и сторонниками исламизации общества и построения нового исламского строя, с другой.

Одновременно в эмиграции значительно усилилось влияние на ПИВТ внешних исламистских сил, которые, руководствуясь своими идеологическими и политическими интересами, стали более активно поддерживать ее материально и морально. Как следствие, С.А.Нури под влиянием своих афганских единомышленников таджикского происхождения стал восхищаться иранской революцией и считал, что подобное должно произойти и в Таджикистане, в то время как его соратник по партии А.Тураджонзода был сторонником создания исламского государства суннитского образца, предложенного идеологами движения «Братьев-мусульман». Как пишет россий-

ский политолог А.Андреев, внутри ПИВТ «не было единства в отношении правильной модели или примера исламского государства».¹⁸

Однако, в силу объективных внутренних и внешних социально-политических факторов ни одна из этих двух целевых установок не оказалась жизнеспособной. Довольно скоро вооруженная борьба сторонников исламизма внутри Таджикистана пошла на спад, поскольку она не давала никаких материальных выгод ее *авлодным* руководителям и рядовым членам вооруженных отрядов. Финансовая помощь из-за рубежа, которую пытался изыскать С.А.Нури в Афганистане, Иране и ряде арабских государств, была недостаточной для поддержания боеготовности исламистских группировок.

Между вооруженными отрядами оппозиции возникали внутренние склоки и столкновения, поскольку каждый из них придерживался своих местнических интересов. Многие из них стали переходить на сторону правительственных сил и поддерживать центральную власть. Постепенно укреплявшаяся республиканская армия и силы безопасности продолжали вытеснять продолжавшие вооруженную борьбу группировки за пределы страны. Стали истощаться и людские ресурсы вооруженной оппозиции, поскольку молодежь получила возможность выезжать на заработки в Россию и другие соседние страны, что позволяло им содержать себя и свои семьи, тогда как война прокормить их не могла.

Наконец, очень важно, что обе противоборствующие стороны испытывали сильное давление со стороны внешних сил, включая Россию, Узбекистан, Киргизию, Китай, страны Европы и Иран, которым был нужен мир и порядок в регионе. Все соседние государства стремились обеспечить собственную безопасность, а также развивать торгово-экономические связи внутри Центрально-Азиатского региона. Под давлением этих факторов в рядах руководства ОТО сформировались более умеренные политические взгляды, а идеи радикального исламизма уступили место политическому прагматизму, который привел их к компромиссу с душанбинскими властями и подписанию Общего соглашения о мире в Таджикистане в июне 1997 г. в Москве.

На **третьем этапе** благодаря усилиям руководства ОТО были достигнуты договоренности с Э.Рахмоном о передаче представителям оппозиции, в том числе ПИВТ, одной трети руководящих постов в правительстве и министерствах.¹⁹ Но это отнюдь не означало, что исламисты получили реальные рычаги влияния на политическую и экономическую жизнь страны. В новых

¹⁸ Андреев А.А. Указ. соч. С.115.

¹⁹ Олимов М., Олимова С. Указ. соч.

условиях, которые требовали от новых чиновников строгого соблюдения законов светского государства, даже такие ярые идейные сторонники исламизма, как Нури и Тураджонзода, были вынуждены встать на конформистские позиции, отказаться от реализации большей части своих политических задач, ограничить свои исламистские устремления, которые были ранее нацелены на построение в Таджикистане нового исламского порядка.

Кроме того, ни один из функционеров ПИВТ и представителей ОТО уже не имел возможности заниматься религиозной деятельностью, поскольку Конституция и новый «Закон о свободе совести и религиозных объединениях» от 1997 г. провозгласили Таджикистан светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и не могут вмешиваться в вопросы государственного управления, не могут участвовать в деятельности политических партий. Таким образом, перед всеми членами ПИВТ и деятелями ОТО встал неизбежный выбор: или религиозное служение, или государственная служба, или политическая деятельность. Практически все руководители оппозиции предпочли государственные посты духовному сану. С.А.Нури возглавил Комиссию по примирению в ранге первого вице-премьера, А.Тураджонзода также занял пост вице-премьера, ответственного по связям с СНГ, Д.Усмон занял должность министра экономики и внешнеэкономических связей.

Однако функции и возможности представителей ПИВТ во власти были существенно ограничены по сравнению с руководителями силовых и правоохранительных органов, которые были сторонниками президента Э.Рахмона. Самому С.Нури приходилось искать компромиссы и уговаривать других более жестких лидеров ОТО, особенно региональных, идти на значительные уступки центральным властям, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие. Вторым лидер исламистов А.Тураджонзода был вынужден прислушиваться к мнению светских политиков, стоящих у власти в соседних постсоветских странах, и сдерживать свои исламистские устремления.

В результате под давлением различных факторов, в том числе и силовых, представители ПИВТ скоро сами стали оставлять свои посты в правительстве, уступая их сторонникам Э.Рахмона. В результате подобных политических перемен, исламизм в Таджикистане утратил свой радикальный дух даже в лице его харизматичных лидеров. Но он также потерял и силовую поддержку в обществе, поскольку большая часть оппозиционных вооруженных группировок вошла в состав вооруженных сил Таджикистана, и в условиях службы в армии таджикские юноши быстро отошли от своих исламистских убеждений.

Идеологические изменения коснулись и самой структуры ПИВТ, которая была вновь зарегистрирована в качестве политического движения в

1999 г. В новом уставе ПИВТ религиозная риторика была полностью заменена на парламентскую, о религиозном возрождении в нем говорилось больше в культурно-историческом, а не в политическом плане. Основную задачу партия видела в том, чтобы выступать в качестве лидера оппозиционного движения, а не в создании исламского государства. Таким образом, исланизм уже тогда перестал быть идеологической основой этой партии, хотя название ее сохранилось в том виде, как задумал его идейный вдохновитель С.А.Нури.

Несмотря на заявления о том, что в партии состоит более 40 тыс. членов и что ее поддерживают многие жители Таджикистана, за всю свою историю ПИВТ с 1999 по 2015 г. не смогла набрать на парламентских выборах больше 8% голосов избирателей и имела в парламенте лишь два места, которые занимали поочередно ее лидеры С.А.Нури, М.Химматзода, М.Кабири и др. В конечном итоге, на выборах 2015 г. партия и вовсе не смогла преодолеть 5-процентный барьер и осталась без представительства в парламенте. Хотя руководство партии не признает результаты парламентских выборов, последнее поражение является свидетельством того, что ПИВТ окончательно утратила популярность в республике.

Исламизм в Таджикистане существовал и существует не только в виде ПИВТ. Следует согласиться с мнением политолога Г.Рудова, что по мере того как эта партия переходила на более умеренные позиции и парламентские принципы деятельности, многие радикально настроенные исламисты стали ориентироваться не на ПИВТ, а на экстремистские и запрещенные организации типа Хизб ат-тахрир аль-ислами, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), ИГИЛ (запрещены в РФ и Таджикистане) и некоторые другие.²⁰ Связи, сохранявшиеся между оставшимися членами ПИВТ и перебежчиками в экстремистские и запрещенные организации, давали правоохранительным органам повод все чаще обвинять партию в причастности к террористической деятельности и арестовывать ее членов несмотря на то, что многие западные правозащитные организации признавали эти действия властей Таджикистана нарушениями свобод и прав человека.²¹

К началу 2010 гг. стало очевидно, что исланизм в Таджикистане терпит поражение, и это позволило ужесточить свое отношение ПИВТ бесценному президенту Э.Рахмону. Несмотря на подписанное им Общее со-

²⁰ Рудов Г.А. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // Обозреватель – Observer. 2014. № 6. С. 57–66.

²¹ См. Ежегодный отчет за 2016 г. Таджикистан / http://www.uscirf.gov/sites/default/files/Tajikistan%202016_Russian.pdf (дата обращения 09.05.2018).

глашение о мире, в котором каждая из сторон брала на себя конкретные обязательства по сохранению безопасности в стране и обеспечению прав на свободу политической и религиозной деятельности, на свободу слова, реальные действия властей отражали противоположную тенденцию. По заявлениям лидеров ПИВТ, включая самого С.Нури, власти нарушали взятые на себя обязательства, постепенно вытеснили из правительственных структур тех исламистов, которые вошли в них по 30-процентной квоте, не говоря о многочисленных случаях физических расправ и уголовных преследований сторонников ПИВТ.²²

Кроме того, власти предприняли серьезные меры по установлению государственного контроля над религиозной деятельностью в республике. Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1993 г., когда в Таджикистане было создано самостоятельное и независимое от САДУМ Духовное управление мусульман Таджикистана, которое было преобразовано в 1997 г. в Исламский центр. Во главе этого органа все эти годы стояли сторонники президента, что позволило государству взять под свой контроль все мечети и религиозные образовательные учреждения страны и вывести их из-под влияния исламистов. Одновременно была усилена борьба с проявлениями религиозного экстремизма и международного терроризма.

С началом 2000-х гг. в Таджикистане, как и в некоторых других странах ЦА, был составлен список международных, региональных и республиканских запрещенных террористических организаций, в основном состоящий из экстремистских, джихадистских и террористических группировок исламистской направленности.²³ Это создало новые возможности для подавления любых попыток использовать исламский фактор в политической деятельности, поскольку обвинение в принадлежности к запрещенным организациям не требовало серьезных доказательств.

С 2015 г. после поражения ПИВТ на парламентских выборах стало очевидно, что судьба ПИВТ как политического института была предрешена, а бегство из страны ее председателя М.Кабири в марте 2015 г. стало свидетельством того, что партия потерпела окончательное фиаско в жесткой политической борьбе не только с официальными республиканскими властями, но и с теми внешними силами, которые были заинтересованы в подавлении

²² Таджикиские власти стремятся ослабить влияние ПИВТ / <http://asiaterra.info/religiya/tadzhikskie-vlasti-pytayutsya-oslabit-vliyanie-pivt> (дата обращения 07.05.2018).

²³ Муртазин М. Международные террористические организации и их деятельность на постсоветском пространстве / Россия и новые государства Евразии. 2017. №4. С.114–115.

любых проявлений исламизма на постсоветском пространстве в целях борьбы с религиозным экстремизмом и международным терроризмом.

Окончательная точка в истории ПИВТ была поставлена в августе 2015 года, когда за процедурные нарушения, связанные с деятельностью местных отделений, Министерство юстиции республики потребовало от ПИВТ прекращения ее политической деятельности, а после неудавшейся попытки государственного переворота, предпринятой заместителем министра обороны РТ А.Назарзода, власти заявили о причастности к ней ПИВТ. В конечном итоге, 29 сентября 2015 г. решением Верховного суда Республики Таджикистан эта партия была признана террористической и запрещенной. Председатель партии М.Кабири заявил о прекращении деятельности ПИВТ на территории Таджикистана при сохранении зарубежных офисов, но де-факто это означало, что партии больше не существует, поскольку все ее бывшие члены документально отrekliсь от нее.²⁴

Заключение

Запрещение ПИВТ стало логическим следствием глобальной тенденции, которая выражается в противодействии распространению любых идей исламизма в мировом пространстве. Эта борьба идет практически во всем мире, но особенно ярко это проявляется на постсоветском пространстве, включая мусульманские страны (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и РФ, где, с одной стороны, исламские религиозные структуры фактически превращаются в квазигосударственные образования, находящиеся под строгим контролем властей, а с другой, – существует практика запрещения деятельности любых международных и региональных исламских религиозных структур, которые проявляют стремление влиять на общественно-политическую ситуацию в этих странах.

Таджикистан оставался единственным постсоветским государством, где до 2015 г. действовала официально и была представлена в парламенте исламистская партия ПИВТ. Необходимо признать, что и сама политическая деятельность ПИВТ способствовала утрате ее популярности среди населения, начиная с момента возрождения ее политической деятельности в 1999 г. Об этом свидетельствует резкое снижение числа голосовавших за нее на парламентских выборах 2015 г. Текущая общественно-политическая ситуа-

²⁴ Мухиддин Кабири: Власти Таджикистана играють с огнем / <https://www.tajinfo.org/pivt/post/635921053640721130> (дата обращения 09.05.2018).

ция в Таджикистане и других государствах Центрально-Азиатского региона указывает на то, что возрождение деятельности каких-либо официальных исламистских структур в краткосрочной и среднесрочной перспективе маловероятно.

Тем не менее опасность активизации подпольных и запрещенных исламистских организаций остается вполне реальной. Если в какой-либо из этих стран произойдет резкое ухудшение экономического положения на фоне политической борьбы за власть, то не исключаются события, аналогичные «цветным» революциям по типу «арабской весны». Неизменными остаются угрозы распространения исламизма под влиянием внешних факторов, в первую очередь – Афганистана. В настоящее время именно в этой стране продолжает действовать большинство запрещенных в государствах ЦА исламистских организаций, под влиянием которых остается значительное число исторически сложившихся в нем этнических групп таджиков, узбеков и туркмен, а также беженцев и переселенцев, не вернувшихся на свою родину.